

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

2012

№2

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ДВАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В НОМЕРЕ:

**Россия: перекресток
народов и цивилизаций**

Документы
из швейцарских архивов
о Г.В.Плеханове

Академик
Н.Н.Шереметьевский
об объединении мировых
усилий в освоении космоса

Доклад ташкентского
городского головы.
Апрель 1917 г.

Воспоминания графа
Д.Ф.Гейдена
о П.П.Скоропадском

Отчет о командировке по
православному Востоку

Государев пушечный
и колокольный мастер
Иван Фальк.
1641–1651 гг.

Вла. Плеханов

96 142 Аер

«Я усердно посещала лекции в Русской школе...»

Воспоминания Е.С.Коц об учебе в Париже. 1901–1903 гг.

Мемуары Елены Семеновны Коц (1880–1967) были написаны в начале 1960-х гг., вскоре после ее выхода на пенсию, и охватывают период с конца 1880-х до 1959 г. Они прекрасно отражают дух времени, наполнены яркими и острыми наблюдениями, связанными как с событиями общественно-политической жизни и служебной деятельности, так и с личными переживаниями и подробностями быта конца XIX – середины XX в.

Ранее в журнале «Исторический архив» были опубликованы фрагменты воспоминаний Е.С.Коц, посвященные ее работе в Доме Плеханова в 1929–1959 гг.¹ В настоящий номер включены воспоминания о двух учебных годах (1901–1902 и 1902–1903), проведенных ею в Париже.

Е.С.Коц училась в Петербурге на Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования проф. П.Ф.Лесгафта, но в январе 1901 г. учеба была прервана, так как после участия в студенческом организационном собрании по подготовке демонстрации она была выслана из Петербурга без права въезда в крупные города России. При поддержке семьи Коц продолжает свое образование в Париже, где слушает лекции по истории и другим гуманитарным наукам в Сорбонне и Русской высшей школе общественных наук. Эти записки создают образ девушки, с открытым сердцем и юношеским запалом воспринимающей нарастание революционных событий. Отец Елены Семеновны, выходец из бедной еврейской семьи, единственный из многочисленных братьев получивший высшее образование, после окончания Военно-медицинской академии был отправлен на работу в Дагестан в Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск), затем открыл частную практику во Владикавказе, где и прошли детство и юность автора публикуемого отрывка.

Приезд из провинциального города на учебу в Петербург открыл для Елены Семеновны новый мир, в котором она с молодым азартом включается в учебу, активно участвует в студенческой общественной жизни. Она не была идейной революционеркой, и, понимая это, с юмором писала о своем участии в небольшом кружке, где читали статьи легального марксиста М.И.Туган-Барановского, опубликованные в «Мире Божьем», а затем «изучали» «Капитал» и «считали себя настоящими «материалистами»; наряду с этим «писали и печатали на гектографе прокламации, ходили на революционные вечера, пели революционные песни, бастовали, участвовали в демонстрациях, сидели, высылались, – жили, что называется, полной и веселой, захватывающей жизнью»². Даже о своем заключении в камеру предварительного заключения на Шпалерной улице она пишет, что это «было скорей отдыхом, заполненным серьезным чтением и общением с друзьями. Оно оставило самое приятное воспоминание, если не считать допросов. [...] Родные и товарищи приносили мне цветы, книги, вкусные вещи»³.

В Париже для Коц продолжается все та же «полная и веселая, захватывающая жизнь». Она получает хорошее содержание от отца, что позволяет ей свободно посещать лекции, знакомиться с историей и культурой Франции, путешествовать. Так, летом

¹ См.: «На мою долю выпал счастливый лотерейный билет». Воспоминания Е.С.Коц / Публ. И.В.Смирнова // Исторический архив. 1998. № 2. С. 207–221; 1999. № 3. С. 75–106.

² РНБ. АДП. Ф. 1426. Ед. хр. 30. Л. 11.

³ Там же. Л. 46.

1902 г., перед возвращением в Россию на каникулы, она объехала всю Италию. Ее окружение составляет студенческая молодежь, скорее всего, в силу юношеского радикализма инстинктивно захваченная идеями свободы, равенства и братства, а не политическая эмиграция, серьезно занятая революционной деятельностью.

Наряду с воспоминаниями революционеров, для которых борьба была делом всей жизни, интересны и воспоминания людей, сочувствовавших, но не принимавших активного участия в политической борьбе. Именно с этой точки зрения и интересны воспоминания Коц. Эти наблюдения человека «со стороны», остро подметившего самоизоляцию русских, их нежелание изучать язык страны, в которой они проживают, нетерпимость к чужому мнению, «способность вариться в собственном соку». Она сравнивает русскую колонию в Париже с колонией ссыльных, хотя, казалось, что могло быть общего «между свободным Западом и сибирской неволей»? Но это общее было, что с горечью подметила внимательный наблюдатель.

Воспоминания Е.С.Коц представляют собой авторизованную машинопись в 280 листов, хранящуюся в Архиве Дома Плеханова РНБ (Ф. 1426). Фрагмент публикуется с сохранением авторского стиля, в соответствии с современными нормами русского языка. Из материала исключены эпизоды, связанные с воспоминаниями о сугубо семейных делах и отношениях.

Публикацию подготовила И.В.СМИРНОВА.

Е.С.Коц

Первый год в Париже. Жизнь интересная, но какая-то беспорядочная. Русская высшая школа общественных наук, Сорбонна, Коллеж де Франс, Библиотека св. Женеьевы, Авеню де Шуази, где проходили партийные дискуссии, где выступали все видные революционные эмигранты, Латинский квартал, русская колония, русская столовая, демонстрация французских безработных, Булонский лес, новые знакомства, встречи, ночные бдения, популярные французские кабаре, чтение зарубежной литературы и пр[очее], и пр[очее]¹. От одного перечня может закружиться голова. А прибавить к нему нужно очень много, чтобы понять атмосферу, в которую попадала приехавшая в Париж из царской России молодежь в эти предреволюционные годы.

Русская колония была сравнительно небольшим островком в недрах Латинского квартала – традиционного студенческого квартала Парижа. И островок этот был почти изолирован от бурлящей кругом парижской жизни, походя скорей всего на колонию ссыльных. Это звучит странно, потому что, казалось бы, ничего общего не могло быть между свободным Западом и сибирской неволей. А между тем атмосфера в русской колонии определялась тем, что все население ее было четко разделено партийными перегородками, что в ней царила узость, нетерпимость и удивительная способность вариться в собственном соку, не замечая окружающей жизни. Та же атмосфера была характерна и для царской ссылки. Но это я знала только понаслышке, а то, что делалось в русской колонии, видела собственными глазами. Начать с того, что не успевал студент переступить, если так можно выразиться, порог русской колонии, как на него набрасывались представители разных партий и фракций, требуя, чтобы он самоопределился и немедленно пришвартовался к какой-нибудь партии. Несчастный парень или девушка, часто в России и слыхом не слыхавшие даже о существовании таких

партий, а тем более их оттенков, иной раз имели мужество сохранить свою самостоятельность и оставить за собой право выбора до того момента, пока сами разберутся, что к чему. Но многие попадались в эти сети и сразу становились эсерами, эсдеками-искровцами, рабочедельцами, бундовцами². Большевиков и меньшевиков в то время еще не было – происходило до второго съезда РСДРП³.

Такое насилие над личностью объяснялось тем, что каждая партийная организация жаждала увеличить свои шансы на дискуссиях, носивших такой страстный характер, что дело доходило иной раз чуть ли не до драки, и где победа часто определялась наличием большего числа клакеров и их усердием.

Большинство русских студентов не знало языка, и весь французский словарь их исчерпывался двумя необходимыми фразами: «дю пен а де су» («хлеба на два су») и «кордон, силь ву плэ» («веревку, пожалуйста») – обращение к консьержке-привратнице с просьбой, чтобы она открыла калитку, дернув шнур в своей каморке, помещавшейся под воротами. Пишу эти фразы русским буквами, потому что так виднее их нижегородское произношение. К этому можно добавить еще характерное для французов восклицание, выражающее не то удивление, не то восторг, а может быть, и другие эмоции, – «о ля-ля!» Почему-то это восклицание легко перенимали русские, включая его в свой не слишком богатый лексикон. Вероятно, я несколько преувеличиваю, но в основном это было именно так – изоляция, отсутствие интереса к французской жизни, высокий барьер, за пределы которого немногие умели перешагнуть. [...]

Я поселилась в меблированных комнатах в пределах русской колонии. Некоторые товарищи снимали коллективно целые квартиры из двух-трех комнат почти без обстановки. Я стала заниматься с французским студентом – он учил меня французскому, я его русскому языку. Такой *échange* (обмен) был очень распространен. Потом для практики я стала обедать во французском частном пансионе, в небольшой французской семье, где столовалось еще несколько студентов – русских и грузин. Скажу сразу, что все эти «мероприятия» мало отразились на моем французском диалекте. Мне необыкновенно трудно давалась разговорная речь, тогда как овладение теорией языка, чтение иностранных книг – столь же легко. Объяснялась эта неспособность, по всей вероятности, застенчивостью, интеллигентской манерой смотреть на себя со стороны и плохим слухом – начиная с 15 лет, слух прогрессивно ухудшался в течение всей жизни. Таким образом, в этом отношении, я мало чем отличалась от большинства обитателей русской колонии. Зато читала я уже довольно хорошо и даже ходила на некоторые лекции в Сорбонну и Коллеж де Франс. В основном же посещала Русскую высшую школу общественных наук, основанную известным либеральным социологом Максимом Ковалевским. В этой школе идеологический диапазон был очень широк – начиная с В.И.Ленина⁴ и вплоть до Лосского⁵ и других философов-идеалистов. Но, в общем, на фоне высших учебных заведений царской России, эта школа была, если не революционной, то, во всяком случае, ярко оппозиционной, и произносились там такие слова, за которые в России немедленно уpekли бы в тюрьму. Для русской молодежи это была настоящая находка, и аудитория была всегда переполнена. И все-таки самое интересное, волнующее и возбуждающее было не здесь, а в зале, снимавшемся партийными организациями для докладов, выступлений, дискуссий. В вечера выступлений видных представителей

революционной эмиграции – Ленина, Мартова⁶, Чернова (эсеровского вождя и авторитета)⁷ и некоторых других, выступавших по животрепещущим вопросам, зал буквально ломился от публики. Дискуссии иногда затягивались на ряд вечеров. Так, по докладу Ленина об аграрном вопросе прения продолжались четыре вечера, причем, чем дальше, тем сильнее разгорались страсти⁸. Помню первое выступление только что бежавшего из ссылки Троцкого⁹. Он громил эсеров, не стесняясь в выражениях, и закончил свое выступление выкриком: «Мы вас уничтожим!» Аудитория была потрясена его ораторским талантом, бурным темпераментом и ... наглостью. Немедленно возникли два течения – одно восторженных его поклонников и, особенно, поклонниц, другое – ненавистников, возмущенных его беспардонностью и нахальством, причем последние не только в среде эсеров.

Животрепещущими темами дня были в те годы (1901–1903, до съезда) борьба с эсерами (на первом плане), борьба с бундовцами по национальному вопросу, особенно ярко выявившаяся позднее. Во втором съезде, в прениях по вопросу о месте Бунда в партии и, наконец, борьба с рабочедельцами – непоследовательными «экономистами». Чистый «экономизм»¹⁰ к тому времени уже изжил себя.

Мы с жадностью набрасывались на свежие номера «Искры»¹¹. Вообще я попала в социал-демократическое окружение, близкое мне по духу, но от «самоопределения» воздерживалась. Почти все товарищи из моей компании по возвращении в Россию включились в революционную борьбу в качестве членов РСДРП. Позднее, после второго съезда, одни вошли во фракцию большевиков, другие – меньшевиков. Во всяком случае, ни для кого из них не прошло даром время, проведенное за рубежом.

Среди моих знакомых были девятнадцатилетние мальчишки евреи, умные, не по летам развитые и образованные парни, были прелестные девушки, сибирячки, чистые, непосредственные. Особенно хороша была одна – Надя Шевелина. Мне редко случалось в жизни встретить такое вдохновенное, озаренное изнутри лицо. К тому же она была хороша собой. Не лоб, а чело, обрамленное светлыми кудрями, правильные черты матово-бледного лица. Для меня это была «девушка у порога» из стихотворения в прозе Тургенева, навеянного подвигом шедших в народ семидесятников. «Знаешь ли ты, что тебя ожидает? ... «Знаю, и все-таки я хочу войти»¹². Позднее, уже в России, Надя вышла замуж за одного из самых интересных членов нашей компании – Трахтенберга¹³, будущего довольно известного советского экономиста, и оба они примкнули к большевистской фракции. Но тогда до этого было еще далеко, и мы вели очень беспорядочную, беспутную жизнь, в результате которой к концу учебного года у всех отчаянно развинтились нервы. Целой компанией отправлялись в Булонский лес и только ранним утром возвращались домой, нарушая порядок и мирный сон парижан. Проходя мимо булочных, откуда доносился невыносимо аппетитный аромат еще не вынутых из печей батонов, поднимали стук в низко расположенные окна пекарни, добиваясь, чтобы нам продали хлеб. ... Или собирались у кого-нибудь и читали до утра, спорили, разговаривали до полного изнеможения. [...]

Моя беспорядочная, нервная жизнь очень тревожила моих родных, которые жили гораздо разумней и здоровей. Я вечно простужалась, не обращала ни малейшего внимания на здоровье, систематически не обедала, т[ак] к[ак] терпеть

не могла русскую столовку, и ограничивалась тем, что заходила в кондитерскую, где можно было купить очень вкусные пирожки с яблоками или еще что-нибудь в этом роде. Притом, получая из дому очень большие деньги, гораздо больше, чем многие студенты, я ухитрялась к концу месяца оставаться без единого су и продавала бутылки от молока и керосина. Зато водила иногда на свой счет целую компанию в какое-нибудь интересное кабаре¹⁴. Не слишком фривольное, конечно, вроде известных Фоли Бержер или Мулен Руж, а просто занятное и оригинальное.

Вот, например, было такое кабаре de neant – не знаю даже, как это перевести – neant это ничто, ну, в общем, смерть или уничтожение. Когда вы входите в этот небольшой кабачок, вы видите в первой комнате на стенах картины, на которых изображены веселые сцены – бал, танцующие пары и т[ак] д[алее], словом, жизнь в полном разгаре. И вдруг, на ваших глазах, без всякой видимой причины, все преображается – верней, остается прежним, но живые люди превращаются в скелеты, и перед вами танец мертвецов. Глупо, но жутко. Затем вас вводят в другую маленькую комнату с подмостками, на которых стоит стол, рядом с ним стул и в глубине сцены открытый гроб. Остальное пространство комнаты заставлено скамейками для зрителей. Мы расселись по местам, и администратор пригласил кого-нибудь выйти на сцену. И вот, о ужас, наша студентка, сидящая против нас на стуле, опять, без всяких видимых причин, оказывается раздетой почти до нага, в одной сорочке (это уже французские штучки), голова – ее, совершенно спокойное лицо ничего не подозревающего человека, а все неизвестно кому принадлежит, но полная иллюзия, что ей. И другие трюки в том же роде. Потом приглашают стать в гроб. Я пошла, чтобы понять, что видит и чувствует человек, над которым проделывают такие махинации. Меня закрыли до плеч простыней, и я стояла, совершенно спокойно глядя на товарищей, а они видели, как я постепенно бледнею, покрываюсь синевой, превращаясь в мертвеца, а затем в скелет. Все эти чудеса совершаются, очевидно, посредством системы зеркал, скрытых от зрителя. Но эффект получается. Нельзя, конечно, назвать это здоровым развлечением, но как аттракцион, это забавно. [...]

В русской колонии стало известно, что в Париже готовится демонстрация безработных. Демонстрация! Какая притягательная сила в этом слове для революционно настроенной русской молодежи. Конечно, надо идти. Перед демонстрацией митинг в огромном помещении. Выступают ораторы. Среди них привлекает особенное внимание известный парижанам анархист Либертад¹⁵, половину дней своих проводящий в тюрьме. На этот раз он на свободе. Перед следующим арестом. Он невысокого роста, коренастый, с бородой, в черной широкой и длинной рабочей блузе. Говорит в манере заправских французских ораторов – с пафосом, с широкими жестами, с поднятыми кулаками. Нам, русским, эта манера кажется искусственной – мы к таким выступлениям не привыкли, они не внушают нам доверия. Но французов эта речь захватывает. Он кончил, сел на место, в изнеможении прислонился к плечу своей жены и ... стал уплетать леденцы. Все это нас расхолаживает. Между тем митинг закрывается, и рабочие высыпают на улицу. И вот тут-то начинается самое удивительное. Со всех прилегающих улиц выплывают стройные, хорошо организованные колонны полицейских. Все как на подбор высокие, здоровенные гренадеры в крылатках

синего цвета и каскетках, с резиновыми дубинками за поясом. Видимо, рост и сила являются основными признаками при подборе кандидатов на полицейскую службу. Методы их хорошо отработаны. Они врзаются колоннами в толпу и разрезают ее, рассеивают, направляя отдельные потоки в боковые улицы. Но удивительно не это. Удивительно для нас то, что рабочие, французские рабочие, потомки революционеров великого прошлого, потомки коммунаров, бесстрашно сражавшихся на баррикадах, не оказывают полиции никакого сопротивления, и, что называется, сверкают пятками. Демонстрация сорвана, но русские не привыкли так скоро сдаваться – они вступают в драку с полицейскими. Их избивают дубинками и тащат в участок, где избивание продолжается. Так демонстрация французских рабочих превращается в демонстрацию русских студентов. На другой день об этом пишут французские газеты, не забывая упомянуть об участниках демонстрации – «героических русских девушках с большими мечтательными глазами». Без этого у французов не обойтись. Так или иначе, мы ушли с этой демонстрации глубоко разочарованные, для чего, как я думала позднее, особенных оснований не было.

Из Сибири бежал в это время один из основателей группы «Освобождение труда»¹⁶ Лев Григорьевич Дейч¹⁷. Арестованный во Фрейбурге в 1875 году, он был выдан России, как уголовный преступник. За ним числился террористический акт, совершенный им, когда он принадлежал к партии революционных народников «Земля и воля». Это давало властям формальное право считать его не политическим эмигрантом, а уголовным преступником, хотя в это время он был уже социал-демократом, а до того чернопредельцем и принципиальным противником террора. В России он был осужден на каторжные работы и провел на Каре, а затем на поселении 16 лет. Все это, естественно, окружило его в глазах молодежи ореолом героизма.

Лев Григорьевич был горяч, безудержно смел, обладал революционным темпераментом и большими организаторскими способностями. В его лице молодая группа «Освобождение труда» понесла громадную потерю. Среди ее немногочисленных членов – скорее теоретиков, чем практических деятелей, – он был совершенно незаменим, и его арест создал чувствительную брешь в неокрепшей еще организации, не имевшей опоры ни в России, ни за границей.

Вернувшись из ссылки в 1901 году, Дейч примкнул к организации «Искры» и «Зари»¹⁸ и немедленно включился в работу. В Париже он выступал с воспоминаниями о своих четырех побегах, из которых особенно интересен и значителен был первый побег из Киевской тюрьмы трех участников знаменитого Чигиринского дела¹⁹ – попытки поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии путем подложных царских грамот. Трое чигиринцев – Стефанович, Дейч и Бохановский – были выведены из тюрьмы своим товарищем Фроленко, удачно сыгравшим роль тюремного надзирателя²⁰. Тогда еще все эти факты не были нам известны, лишь позднее о них появились подробные сведения в литературе. Естественно то напряженное, взволнованное внимание, с каким аудитория слушала участника и героя таких событий. Побег – ведь это была романтика революционного движения.

Высокий, стройный, еще не старый, Лев Григорьевич захватил аудиторию. Память у него феноменальная – впоследствии это сказалось в многочисленных его монографиях о товарищах-революционерах, с которыми скрещивался его

жизненный путь, в большом количестве опубликованных им воспоминаний о Кариийской каторге²¹ и разных эпизодах революционной жизни. Поэтому рассказ его не был простым изложением фактов, а изобилует деталями, которые делали его живым и захватывающим. Но все же нужно было обладать способностью особенно глубокого и острого восприятия и большой непосредственностью, чтобы сделать то, что сделала одна из его слушательниц. Это была недавно появившаяся в Париже молоденькая, типично русская девушка с двумя толстыми русыми косами, обаятельной улыбкой и чудесным звонким смехом. Звали ее Шурочка Шакол. Позднее она работала в России в нелегальной организации помощи каторжанам и заведовала отделом каторги и ссылки в Ленинградском музее революции, в организации которого принимала самое активное участие²². Тогда я еще почти не была с ней знакома; более тесное наше знакомство и дружба относится к позднейшим годам. Так вот, эта Шурочка Шакол поднялась на сцену, подошла к Льву Григорьевичу, обняла и поцеловала его, не смущаясь устремленным на нее вниманием всего зала. Этот момент запомнился потому, что в нем была красота непосредственного, горячего порыва. [...]

Масленица, *mi-carême* (середина поста) в Латинском квартале. Французские студенты веселятся в эти дни, как маленькие дети. Маски, длинные носы, маскарадные костюмы, хлопушки, воздушные шары, надувные колбасы, свистульки, трещетки, барабаны и другие, издающие пронзительные и оглушительные звуки предметы, серпантин, конфетти. И все это на улице, среди хохота, шуток, невероятной толкотни. Мы, конечно, тут же. Но русские студенты не умеют веселиться так непосредственно, по-детски, без оглядки на себя. Хотя и стараются. По установившейся традиции на эти дни избирается масленичная королева – самая красивая девушка. Торжественно восседает она на колеснице, окруженная свитой, утопающая в цветах. Выбор королевы происходит в известном в Латинском квартале здании, где даются студенческие балы. Эти балы славятся своим легкомыслием и флиртом. Русские студенты в большинстве считают ззорным посещать такого рода увеселения, как этот бал *B llier*. Но слухи о нем доходят.

Как-то, отправившись в большой компании на бульвар Сен-Мишель, где сосредоточивалась основная масса веселящейся молодежи, я случайно отбилась от товарищей и очутилась в центре беснующейся и хохочущей толпы французов. Они не были хулиганами, но страх, который я испытала среди этих культурных французских студентов, был не меньше, чем если бы это были просто бандиты. Разнузданность в отношении к женщине у них беспредельна. Для нас, привыкших к товарищеским отношениям с мужчинами, тем более такой стиль обращения совершенно невыносим. Не стану описывать в подробностях это веселое, пусть даже шутливое, издевательство, да я и не помню в точности, что было. Знаю только, что я была в ужасе и стала громко звать своих. К счастью, они пришли мне на выручку и вырвали меня из этого бешеного окружения.

Надо сказать, что здесь дело не только в масленице, как бы санкционирующей всяческую распущенность. Нет, это узаконенный стиль отношения к женщине. Так было тогда – теперь, может быть, это изменилось.

В совершенно иной обстановке, деловой и серьезной, во время парламентских выборов, я наблюдала то же самое. На «Больших бульварах» в дни выборов

вывешиваются огромные транспаранты, на которых сообщаются светящимися цифрами результаты голосования на каждый данный момент. Интерес к выборам очень велик, и в эти вечера бульвары кишат толпами народа. Казалось бы, обстановка не для фривольных шуточек. А между тем, там я пережила примерно то же, что и в масленичные дни. С тех пор я стала просто бояться французов, и иной раз среди бела дня, встретив на улице веселую компанию мужчин, шарахалась от них в сторону. Не надо, конечно, обобщать эти факты. Были, безусловно, и тогда совершенно другие люди и другие отношения. Но в массе это было чисто французское явление, 'немыслимое, пожалуй, ни в одной другой стране и уж, во всяком случае, не у нас, в России.

Наступила весна, чудесная парижская весна. Я уехала на несколько дней в маленькую деревушку, почти предместье Парижа – Медон, где можно было немножко отдохнуть от нервной и напряженной парижской жизни. Хотя в жизни этой было много своеобразной прелести. Чего стоил хотя бы очаровательный аромат печеных каштанов, которыми торговали на улицах у жаровен старые, бородатые и усатые, веселые и задорные француженки. А букетики душистых фиалок, которые предлагали нам на каждом углу изящные молоденькие парижанки. Недаром с таким вдохновением пел Ив Монтан свою песню «À Paris»²³. Ведь мой Париж и Париж Монтана, сколько бы лет их не отделяло, все тот же Париж.

Ходили мы, конечно, и по музеям. О Лувре²⁴ так много написано, что ничего своего к этому не прибавишь. Скажу только, что я совершенно влюбилась в Венеру Милосскую, о которой Успенский написал великолепный рассказ «Выпрямила»²⁵. [...]

Интересным событием был в том году приезд в Париж знаменитой американской танцовщицы Айседоры Дункан²⁶. В те годы она еще не была знаменитой, ходили только слухи об ее своеобразии и оригинальности. Шли смотреть, как на диовинку. Она выступала в Большом оперном театре²⁷. Театр был полон. И вот выходит на сцену стройная девушка в греческой хитоне, босая, и обращается к публике на ломаном французском языке. Она извиняется, говорит, что импресарио надул ее, не приехал, и у нее нет аккомпаниатора. Она просит кого-нибудь из публики сесть за рояль. Такой находится. Но прежде, чем начать танец, она хочет объяснить публике, как она понимает искусство танца, хочет поделиться своими мыслями и идеями. Публика – вся внимание. И она начинает говорить, неправильно, с акцентом, но очень интересно и вдохновенно о свободном танце, без балетных пуантов и пачек, в греческих хитонах, без обуви, с вольными, естественными, гармоничными, созвучными с музыкой движениями. Говоря о будущем танца, она заканчивает словами: «Мы будем танцевать в лесу, на полянах, на лужайках». Все, что она говорила, пленяет естественностью и простотой, почти наивностью. Потом она танцует под вальсы Шопена²⁸, которые играет ее импровизированный аккомпаниатор. Танцует прелестно. Сама молодость и изящество. Все это выступление, благодаря неудаче с импресарио, оказалось особенно трогательным, неофициальным и было исключительно тепло и сердечно принято зрителями. О себе скажу, что у меня осталось наиболее сильное впечатление именно от этого первого выступления, хотя выступала не знаменитая Айседора Дункан, которую я не раз видела позднее, а всего лишь несколько наивная и смущенная юная девушка. [...]

Из театральных впечатлений наиболее интересен был спектакль в театре Антуана²⁹. Это был передовой театр, несколько напоминающий наш МХАТ³⁰. В противоположность традиционной манере игры во всех французских театрах, где место подлинного чувства заменял пафос и далекая от простоты и естественности жестикация, это был настоящий реалистический театр. Я запомнила даже содержание пьесы, которую там видела, настолько оно своеобразно. Следовательно ведет дознание об убийстве. В результате допроса ряд свидетелей, сопоставляя все показания и факты, он убеждается, что убийца – он сам. Конечно, в ненормальном состоянии. Пьеса чисто психологическая, тонкая, умная, оригинальная. И такая же игра.

Приближалось лето, а с ним и разъезды, прощания. [...]

Кончились каникулы. Снова еду в Париж. На этот раз вместе с моей подругой Женей Познер [...]

По приезде в Париж мы устроились по-семейному – скоро приехал и мой брат. Мы сняли небольшую квартиру в две комнаты с кухней, на этот раз, хоть и в Латинском квартале, но несколько на отшибе от русской колонии. Место было чудесное – против Люксембургского сада, с его прудами и лебедями, с его прелестными лужайками и, наконец, с находившимся в нем известным Люксембургским музеем³¹. Это был музей современной живописи, где устраивались периодические, весенние и осенние выставки, так называемые «Салоны». На этих выставках можно было познакомиться с новейшими течениями в изобразительном искусстве, с лучшими работами самых известных художников и скульпторов.

Квартиры в Париже так хороши, что даже когда в них нет мебели, они производят впечатление живых и уютных. Стены до половины или немного ниже обшиты красивыми деревянными панелями, громадный камин и над ним большое с подзеркальником зеркало, высокие окна с решетками вроде небольших балкончиков. В общем, все это выглядело очень красиво. Мы купили самую необходимую мебель и взяли на прокат пианино, из-за которого нас в один прекрасный день чуть не выгнали из квартиры. Но это было уже поздней. Кухня чистенькая, с газом и со всеми удобствами. По утрам у парадных дверей уже стояло молоко и свежие батоны. В общем жизнь много более упорядоченная, чем моя прошлогодняя в меблированных комнатах. И вообще я решила взяться за ум и использовать как следует новый учебный год. Да и компания подвернулась другая, не такая бесшабашная, но и не такая интересная.

Это мудрое решение не мешало нам с Женей переглядываться с французским студентом, окно которого выходило во двор прямо напротив окна нашей комнаты. Двор был небольшой и расстояние между окнами также небольшое. Это было молчаливое наблюдение за жизнью друг друга. Для нас это было маленькое приключение с налетом романтики. Для него ... ну, словом, как оно и понятно, через некоторое время он стал посылать нам воздушные поцелуи. И, как это тоже само собой понятно, мы, в нашей глупой наивности, оскорбились этим естественным завершением собственной авантюры и, недотроги, какими мы были тогда, прекратили наше «знакомство».

Я усердно посещала лекции в Русской школе, даже делала доклад на семинаре по психологии. Еще более усердно ходила на Авеню де Шуази. Приезжал из России апологет общины Кочаровский³². На его докладе температура поднялась до такого

градуса, что буквально стульями чуть не бросали в друг друга, хоть это не ахти какая убедительная аргументация. Выступления Ленина были событием³³. Его рефераты по аграрному вопросу в тот период были самой актуальной темой, не говоря о том, что имя Ленина уже тогда обладало большой притягательной силой. Его умение завладеть аудиторией без громких слов, силой одной только железной логики и страстной убежденности, делало его лекции непревзойденной школой революции. И это как раз было то, что больше всего нужно было молодежи, готовящейся к партийной работе на родине и для того главным образом и стремившейся за границу³⁴. С лекциями по аграрному вопросу выступал Ленин в том же году и в Высшей русской школе общественных наук перед более широкой аудиторией. Никто тогда еще не предвидел, что этот, с виду простой, ничем внешне не выдающийся человек, с слегка картавой речью, прищуренными пронизательными, то добродушными, то насмешливыми глазами, крупный теоретик и беспощадный полемист, через полтора десятка лет «перевернет мир». Тогда он был еще у начала своего пути – пути величайшего гения революции.

С не меньшим интересом мы относились к выступлениям другого теоретика марксизма – Плеханова, правда, только в печати. К сожалению, в эти годы он не приезжал в Париж, так что мне не пришлось ни видеть, ни слышать его. Позднее он не раз читал лекции и выступал с рефератами в русской колонии Парижа³⁵. Это была какая-то насмешка судьбы. Почти всех «вождей» всех партий я видела за два года моей жизни в Париже, и Плеханов был единственным исключением. А ведь позднее я посвятила изучению его архива, подготовке к печати его произведений тридцать лет своей жизни. Очень часто меня расспрашивали о нем, не сомневаясь в том, что я была с ним лично знакома. И удивлялись, что это не так.

Знакомились мы и с литературой, которую выпускала, начиная со дня своего основания в 1883 году, группа «Освобождение труда». Здесь были переводы ряда работ Маркса и Энгельса, работы членов группы – Плеханова, Аксельрода и Засулич, и другие брошюры. Это была очень полезная для изучения марксизма литература, недоступная пока в России.

Помимо теории марксизма, мы считали нужным знакомство с историей революционного движения в России. С этой целью мы организовали кружок и распределили между собой темы. Я взяла на себя революционных народников и так увлеклась этой темой, что в течение трех месяцев не вылезала из библиотек. Надо сказать, что в это время в Париже можно было располагать исключительно интересными материалами, о которых и подумать нельзя было в царской России.

Прежде всего, я достала интереснейшую переписку Герцена и Бакунина на французском языке³⁶. Она послужила как бы введением к моей теме. Затем здесь были полные комплекты Лавровского «Вперед», Ткачевского «Набата», «Земли и воли» и других нелегальных журналов, газет, брошюр³⁷. Конечно, сейчас все это можно получить, хотя и не всегда полностью, в отделе вольной печати таких крупных советских книгохранилищ, как Публичная библиотека в Ленинграде или Библиотека им. Ленина, Институт марксизма-ленинизма в Москве³⁸. Но тогда это был настоящий клад.

Дома видели, с каким усердием я работала, и создавали для меня, с большим вниманием и заботой, рабочую обстановку. Я была полностью освобождена от всяких хозяйственных дел. Приходя домой, заставляла порядок, готовый ужин,

топящуюся печку. Надо сказать, что зима в Париже мягкая, французы одеваются легко, не признают галош, шуб и других, обычных в России способов оградить себя от морозов. Но в квартирах у них холодно, для нас русских, непривычно и неудобно. Камин почти не обогревает комнату – это красиво, поэтично, и немало поэтов и писателей вдохновлялось пылающими углями и даже каминной решеткой. Но от этого не становится теплей. Поэтому русские студенты обзаводились железными печками, вроде наших блокадных буржеек, которые раскалялись до красна и хоть временно поднимали температуру в комнате³⁹.

Так вот, с утра до вечера я писала свой реферат. В результате получился объемистый труд – десять тетрадей – и я читала его в нашем кружке подряд три вечера. Вероятно, если бы я могла перечитать его сейчас, я отнеслась бы к своему творчеству очень строго и сурово раскритиковала его. Конечно, это не была научная работа, как я ее теперь понимаю, и все же это было интересно и написано горячо и с вдохновением. Да и материалы сами за себя говорили. Во всяком случае, товарищи по кружку были очень довольны, и самый развитый и интересный член кружка, молодой студент Рывлин, как-то, помню, попрекал моим рефератом одну студентку, сделавшую на нашем кружке неудачный доклад.

Уезжая из Парижа, я не могла взять с собой эти десять тетрадей, их не пропустили бы через границу. Да, по правде сказать, я не очень ценила свои произведения, не придавала им большого значения. Позднее, уже в России, я по памяти, без материалов, написала гораздо более сжатый реферат на ту же тему – на два часа чтения, и он имел большой успех⁴⁰.

Увлечение марксизмом не убивало в нас интереса к другим умственным течениям. Так, помню, когда вышел сборник «Проблемы идеализма»⁴¹, мы с тем же Рывлиным читали его до самого утра, всю ночь напролет. Это не значит, что мы поколебались в своем материалистическом мировоззрении, но было интересно и полезно выслушать другую сторону. Сейчас, когда я думаю о целом этаже Публичной библиотеки, куда ссылаются книги инакомыслящих, я особенно ясно вижу, как хорошо было иметь возможность разбираться своим умом в разных течениях⁴². Конечно, эти ограничения в свое время сыграли частью и положительную роль, но это «свое время» уже позади, и сейчас, при изучении истории они вряд ли нужны.

Теперь о другом. Одним из обычных развлечений в колонии были вечеринки, с выступлениями и танцами. Сборы шли в партийными кассы. На одной из таких вечеринок мы задумали инсценировать «Интернационал»⁴³. Предполагалось, что на сцену выйдет красивая женщина в белых одеждах с красным знаменем в руке, а за ней будет стоять толпа рабочих. Она будет запевалой, споет русские куплеты «Интернационала», а толпа будет подхватывать припев. В колонии были четыре парня – друзья, вместе жили, все четверо высокие молодцы с сильными голосами. Так как у нас был инструмент, они стали ходить к нам на спевки. Вот тогда-то нас чуть не выгнали с квартиры. Они так рывкали, что на улице было слышно. Но ничего – обошлось. Инсценировку предполагали провести эффектно, при бенгальском освещении.

И вот наступил долгожданный вечер. Народу собралось очень много. Поднялся занавес. Перед зрителями предстала женщина в белом с красным знаменем, а за ней «толпа рабочих» – несколько русских студентов и студенток. Чуть поодаль,

к изумлению публики, стоял молодой парень с длинными волосами, в очках, в чесучевой косоворотке – типичный эсер, каковым он и был, – с листочком в руках. Это был текст «Интернационала», который он намеревался суфлировать на случай заминки. Свет в зале потух. Полная темнота, а затем вдруг со всех сторон раздалось громкое чиханье и кашель, как если бы весь зал внезапно схватил грипп. За кулисами же послышалось шипенье, и все помещение наполнилось дымом. Бенгальские огни так и не зажглись. Единственным утешением в этом позоре был дружный хохот публики, оценившей юмористическую сторону происшествия.

Учебный год кончался, и вместе с ним кончалась и моя парижская жизнь.

РНБ. АДП. Ф. 1462. Ед. хр. 30. Л. 51–99. Авторизованная машинопись.

Примечания

¹ Русская высшая школа общественных наук (1901–1905) была основана М.М.Ковалевским (1851–1916), ученым-обществоведом, публицистом, общественным и политическим деятелем. В России ее преемниками стали высшие учебные заведения, основанные также по его инициативе и его ближайшем участии: петербургский Психоневрологический институт (1907; с 1910 – частный Петербургский университет, где Ковалевский создал первую в России кафедру социологии) и Московский городской народный университет им. А.Л.Шанявского (1908).

Сорбонна (Sorbonne) – колледж, основанный в Париже в 1253–1257 гг. Р. де Сорбоном (R. de Sorbon). С середины XVII в. после объединения колледжа с Парижским университетом их названия стали отождествляться.

Коллѐж де Франс (Collège de France) – одно из старейших научно-исследовательских и учебных учреждений Франции. Ведет свою историю с 1530 г., когда под влиянием идей гуманизма королем Франциском I была учреждена группа королевских лекторов, передовых представителей французской научной мысли. К концу XX в. в Коллѐж де Франс работало 52 кафедры и значительное число научных лабораторий разного профиля. Коллѐж де Франс не имеет стабильных учебных планов и программ, не проводит никаких экзаменов для слушателей, профессора кафедр ежегодно сами определяют темы лекционных курсов, которые непосредственно связаны с их научной работой. Вход на лекции свободный.

Библиотека св. Женевьевы, библиотека Сент-Женевьев (Bibliothèque St. Geneviève) (арх. А.Лабруст, 1843–1850) – одна из крупных библиотек Франции. Св. Женевьева – святая дева, покровительница Парижа.

Латинский квартал – квартал ученых и учащейся молодежи. Расположен в левобережной части к югу от центра Парижа, где сосредоточены многие высшие учебные и научные заведения: Сорбонна, Французская академия, Обсерватория, Политехническая школа и др., здесь же проживает большое число французских и иностранных студентов.

Булонский лес – лесопарк, раскинувшийся на 842 га в западной части Парижа.

² Эсеры – члены или сторонники Партии социалистов-революционеров. Учредительный съезд партии состоялся на рубеже 1905–1906 гг., но первые организации появились в середине 1890-х гг. как «Союзы социалистов-революционеров».

Эсдеки-искровцы – социал-демократы – сторонники заграничной социал-демократической газеты «Искра», первый номер которой вышел 24 декабря 1900 г.

Рабочедельцы – социал-демократы, группировавшиеся вокруг редакции журнала «экономистов» «Рабочее дело», органа «Союза русских социал-демократов за границей», выходившего в Женеве с 1899 по 1902 г.

Бундовцы – члены и сторонники Бунда, Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России, возникшего в начале 1890-х гг.

³ I съезд, провозгласивший создание РСДРП, состоялся в Минске 1–3 марта 1898 г. Завершился процесс оформления партии принятием Программы и Устава на II съезде РСДРП (17 июля – 18 августа 1903 г., Брюссель и Лондон). В ходе обсуждения § 1 Устава и при выборах в центральные партийные органы произошел раскол делегатов съезда на сторонников В.И.Ленина и Ю.О.Мартова, что привело к оформлению в РСДРП фракций большевиков и меньшевиков соответственно.

⁴ Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – революционер, мыслитель, философ, разработавший теорию империализма и социалистической революции. Один из основателей и организаторов РСДРП, впоследствии Коммунистической партии СССР, и Советского социалистического государства. В июле 1900 г., после окончания срока ссылки, выехал за границу, где вместе с членами группы «Освобождение труда» составил редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря», положивших начало организационного и идеологического оформления РСДРП.

⁵ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ-идеалист, представитель интуитивизма и персонализма. С 1900 г. приват-доцент, с 1916 г. профессор Петербургского университета, в 1922 г. выслан за границу.

⁶ Мартов (наст. фам. Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923) – социал-демократ, один из лидеров меньшевизма. В 1895 г. вместе с В.И.Лениным участвовал в создании Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1900 г. вошел в инициативную группу по подготовке издания «Искры», в 1901 г. эмигрировал и стал одним из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде РСДРП выступил против ленинского плана построения партии.

⁷ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – политический деятель, один из организаторов партии эсеров, член ее ЦК. Был главным теоретиком партии, разработал ее программу. Эмигрировал в 1899 г., возглавил заграничную организацию эсеров и редакцию газеты «Революционная Россия».

⁸ В декабре 1902 г. В.И.Ленин получает приглашение от Русской высшей школы общественных наук в Париже прочесть в школе несколько лекций по аграрному вопросу (Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. Т. 1. С. 420). Одновременно для участия в дискуссии был приглашен и В.М.Чернов. Но, как пишет Ю.О.Мартов в письме к лондонской части редакции «Искры», организаторы «начали тосковать, что “погубят” школу, и пришли к выводу, что надо взять назад приглашение обоих – и Иль[ина – Ленина] и Чернова»; он, однако, предупредил организаторов, «что в случае взятия назад предложения, местные искровцы начнут студенч[еские] беспорядки» (Ленинский сборник. Т. 4. С. 198). Таким образом, после длительной борьбы между студентами и профессорами Русской высшей школы эти лекции состоялись. В.И.Ленин 10–13 (23–26) февраля 1903 г. прочел четыре лекции на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России» (Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. Т. 1. С. 438).

⁹ Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – политический деятель, публицист. Арестован в 1898 г. и сослан на 4 года в Восточную Сибирь, откуда бежал, используя для этого фальшивый паспорт на имя надзирателя одесской тюрьмы Троцкого. В конце октября 1902 г. приезжает в Лондон, где знакомится с членами редакции газеты «Искра». Одновременно с сотрудничеством в газете успешно выступал с рефератами перед русскими эмигрантами в Лондоне, Париже и других городах Западной Европы. Участник II съезда РСДРП.

¹⁰ «Экономизм» – течение в российской социал-демократии конца XIX – начала XX в., стремившееся приспособить тактику и организацию социал-демократии к стихийному ходу рабочего движения.

¹¹ «Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная по инициативе В.И.Ленина. Первый номер вышел 11 (24) декабря 1900 г. в Лейпциге, затем газета выходила в Мюнхене, Лондоне, а с весны 1903 г. в Женеве. В связи с расколом в редакции после II съезда РСДРП, В.И.Ленин вышел из ее состава 19 октября (1 ноября) 1903 г. Пе-

риод ленинской «Искры» завершился выходом в свет № 51. С № 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган и выпускали ее до октября 1905 г. Газета прекратилась на № 112.

¹² *Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883) – писатель. Речь идет о стихотворении в прозе «Порог. Сон», написанного в мае 1878 г.

¹³ *Трахтенберг Иосиф Адольфович* (1883–1960) – советский экономист, специалист в области денежного обращения и кредита, теории и истории экономических кризисов, академик АН СССР.

¹⁴ Кабаре (фр. cabaret – кабак, кабачок) – первоначально литературно-художественный клуб (кафе, театр), где проходили импровизированные представления с участием поэтов, актеров, музыкантов; позднее – кафе или ресторан с эстрадной программой. Упоминаемое Е.С.Коц кабаре «Мулен Руж» («Красная мельница») было открыто на Монмартре в октябре 1889 г. Особую известность ему принесло то, что постоянным его посетителем был французский живописец и график Анри де Тулуз-Лотрек (1864–1901), посвятивший жизни этого кабаре ряд своих известнейших работ.

¹⁵ *Либертад Альберт* (1875–1908) – французский анархо-индивидуалист. Яркую страницу своих воспоминаний посвятил ему В.Л.Кибальчич (1890–1947), известный под псевдонимом Виктор Серж. Он пишет: «Индивидуализм был провозглашен Альбером Либертадом, которым мы восхищались. Не было известно ни его настоящее имя, ни то, кем он был до оглашения своей проповеди. ... Его теория, с которой мы во многом соглашались, сводилась к следующему: «Не ждать революции. Те, кто обещает революцию, такие же шуты, как и остальные. Каждый – сам творец своей революции. Надо быть свободными людьми, жить в товариществе» (Виктор Серж. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера: Пер. с фр. М.; Оренбург, 2001. С. 26–27).

¹⁶ Группа «Освобождение труда» – первая русская марксистская организация, созданная в сентябре 1883 г. в Женеве Г.В.Плехановым и его единомышленниками В.И.Засулич, П.Б.Аксельродом, Л.Г.Дейчем и В.Н.Игнатовым. Главными задачами, которые ставила перед собой группа, были перевод на русский язык важнейших трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, а также произведений их последователей для распространения идей научного социализма, критика народничества и разработка проблем русской общественной жизни с точки зрения марксизма. По решению II съезда РСДРП группа объявила о самороспуске в августе 1903 г.

¹⁷ *Дейч Лев Григорьевич* (1855–1941) – участник народнического движения, один из основателей группы «Освобождение труда», социал-демократ. После смерти Г.В.Плеханова вошел в Комитет по увековечению его памяти, стал одним из организаторов Дома Плеханова, в 1920–1930 гг. активно занимался издательской деятельностью.

¹⁸ «Заря» – марксистский научно-политический журнал. Издавался в 1901–1902 гг. в Штутгарте редакцией газеты «Искра». Всего вышло 4 номера в трех книжках.

¹⁹ Чигиринское дело (Чигиринский заговор) – неудачная попытка группы революционных народников поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии с помощью подложного царского манифеста. Восстание намечалось на 1 октября 1877 г., но заговор был раскрыт и в августе 1877 г. прошли аресты его участников. Организаторы заговора Я.В.Стефанович, Л.Г.Дейч и И.В.Бохановский, которым грозила смертная казнь, в мае 1878 г. бежали из Киевской тюрьмы с помощью М.Ф.Фроленко и В.А.Осинского. Об этом побеге Л.Г.Дейч оставил яркие воспоминания в книге «Четыре побега» (Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Л., 1926. С. 20–71).

²⁰ *Стефанович Яков Васильевич* (1854–1915) – революционер, народник. Автор подложного царского манифеста и главный организатор «Чигиринского заговора». После побега из Киевской тюрьмы бежал за границу, в 1879 г. вернулся в Россию, вступил в народническую организацию «Земля и воля», а после ее распада осенью того же года стал одним из лидеров «Черного передела», затем примкнул к «Народной воле». Был вторично арестован в 1882 г. и осужден на 8 лет каторги, которую отбывал на Каре.

Бохановский Иван Васильевич (1848–1917) – революционер, народник. Один из организаторов «Чигиринского заговора», эмигрировал после побега из Киевской тюрьмы. В начале 1880-х гг. в Женеве заведовал народовольческой типографией. В дальнейшем примкнул к эсерам.

Фроленко Михаил Федорович (1848–1938) – революционер, народник. В начале 1880-х гг. вел пропаганду среди рабочих, участвовал в «хождении в народ» на Урале. С 1874 г. на нелегальном положении. В 1875–1877 гг. активно работал в организациях на юге России, организовывал побеги политических заключенных, в том числе побег из Киевской тюрьмы. С возникновением «Народной воли» – член ее Исполнительного комитета, участник покушений на императора Александра II. Арестован в марте 1881 г. и по «процессу 20-ти» приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости. Освобожден в октябре 1905 г. С 1922 г. жил в Москве, член Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и редколлегия журнала «Каторга и ссылка».

В своих воспоминаниях Е.С.Коц не упоминает имени В.А.Осинского, но по воспоминаниям Л.Г.Дейча именно он разработал план побега и был его руководителем.

Осинский Валериан Андреевич (1852–1879) – революционер, народник. Один из учредителей «Земли и воли». Талантливый агитатор и организатор, активно вел политическую пропаганду, старался привлечь к борьбе с царизмом либералов. Организатор нескольких террористических актов. Арестован в январе 1879 г., приговорен к расстрелу, замененному Александром II повешением.

²¹ Карийская каторга – каторга на реке Кара (Забайкалье), часть Нерчинской каторги. С 1838 г. для разработки золотых россыпей на Кару отправляли каторжан, сначала уголовных, а с 1873 г. и политических. Массовые самоубийства на Каре, произошедшие в ходе волнений политических заключенных в 1888 и 1889 гг., так называемая Карийская трагедия, привели к ликвидации Карийской каторги в 1890 г. и переводу политических заключенных в Акатуй.

²² Музей революции был основан в Петрограде 9 октября 1919 г. В 1972 г. стал филиалом Центрального музея революции СССР и переименован в Музей Великой Октябрьской социалистической революции, а с августа 1991 г. это единственный в России Музей политической истории. Первоначально формирующиеся коллекции музея располагались в помещениях Зимнего дворца. С 1957 г. и по настоящее время Музей располагается в нескольких, примыкающих друг к другу зданиях – особняке балерины М.Ф.Кшесинской (арх. А.И.Гоген, 1904–1906 г.), особняке барона В.Э.Брандта (арх. Р.Ф.Мельцер, 1909 г.) и соединившим их новом корпусе (арх. Н.Н.Надеждин, 1957 г.).

²³ *Монтан Ив* (псевд., от фр. *montant* – растущий) – французский певец, артист эстрады и кино *Иво Ливи* (1921–1991).

²⁴ Лувр (*Louvre*) – первоначально королевский дворец, затем один из величайших художественных музеев мира. В 1546–1574 гг. по проекту архитектора П.Леско был возведен дворец в формах ренессанса. Перестройки и расширения Лувра продолжались до середины XIX в., когда Л.Висконти и Э.Лефюэль пристроили к зданию так называемый Новый Лувр. С середины XVII в. Лувр перестал быть дворцом и начал использоваться для нужд Королевской академии живописи и скульптуры и как хранилище художественных коллекций.

²⁵ Венера в древне-римской религии и мифологии богиня весны и садов, богиня любви и красоты (от лат. *vēnus* – красота, любовь). Отождествлялась с греческой богиней любви Афродитой. Венера Милосская – статуя Афродиты, найденная на острове Милос, расположенного в южной части Эгейского моря. Представляет собой греческий мраморный оригинал эллинистической эпохи, II в. до н. э.

«Выпрямила: (Отрывок из записок Тяпушкина)» – рассказ писателя Г.И.Успенского (1843–1902) из цикла «Кой про что», посвященного жизни пореформенной деревни.

²⁶ *Дункан (Duncan) Айседора* (1878–1927) – американская танцовщица, одна из первых современных танцовщиц, противопоставившая классической школе балета свободный пластический танец.

²⁷ Большой оперный театр – «Гранд–Опера» (фр. Grand Opéra – большая опера), государственный музыкальный театр, основанный в 1669 г. Современное официальное название – «Национальная академия музыки и танца», с 1875 г. занимает специально построенное здание (арх. Ж.Л.Ш.Гарнье).

²⁸ *Шопен (Chopin) Фредерик* (1810–1849) – польский композитор и пианист. Творчество Шопена было хорошо известно во Франции, так как с 1831 г. и до конца своей жизни он постоянно жил в Париже.

²⁹ Театр Антуана – театр, видимо, носящий имя владельца или его художественного руководителя. В годы, о которых пишет Е.С.Коц, в Париже действовало 63 театра.

³⁰ МХАТ – Московский художественный академический театр им. М.Горького. Московский художественный театр (МХТ) основан в 1898 г. К.С.Станиславским и В.И.Немировичем-Данченко. В 1920 г. МХТ был включен в число академических театров, в 1932 г. театру было присвоено имя Максима Горького. В 1987 г. труппа театра разделилась и образовала два театра – Московский художественный академический театр им. М.Горького и Московский художественный театр, которому в 1989 г. присвоено имя А.П.Чехова.

³¹ Люксембургский музей – художественный музей, с 1818 г. расположенный в части помещений Люксембургского дворца, построенного для Марии Медичи (арх. Ж. де Броссе, 1615–1627 гг.).

³² Имеется в виду *Качоровский Карл Романович* (1870 – после 1937) – экономист, статистик, специалист по крестьянскому праву. В 1900 г. в Санкт-Петербурге вышла его книга «Русская община: Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие».

³³ В.И.Ленин выступил в Париже с лекциями по аграрному вопросу в Русской высшей школе общественных наук 10–13 (23–26) февраля 1903 г. (см. прим. 8), а 18–21 февраля (3–6 марта) прочел реферат об аграрной программе эсеров и социал-демократов на собрании русских политэмигрантов (В.И.Ленин. Биограф. хроника. Т. 1. С. 439–440). Основываясь на воспоминаниях Е.С.Коц, вероятно, можно уточнить место проведения этих выступлений В.И.Ленина – зал на Авеню де Шуази.

³⁴ Сохранилось много воспоминаний об этих лекциях и реферате, в которых подчеркивалось их значение для политического просвещения русской эмиграции. В унисон с Е.С.Коц, пишет Л.Шаповалова: «Неделя, в течение которой продолжалось чтение его лекций, была настоящим праздником для нас, русской учащейся молодежи, выгнанной из русских высших учебных заведений и съехавшейся в Париже, главным образом, в Русскую высшую школу общественных наук проф. Ковалевского» (Цит. по: Ленинский сб. XIX. С. 223).

³⁵ *Плеханов Георгий Валентинович* (1856–1918) – теоретик и пропагандист марксизма, деятель русского и международного рабочего и социалистического движения.

Г.В.Плеханов не раз выступал в Париже с лекциями и рефератами. Так, уже на следующий год после отъезда Е.С.Коц из Парижа, зимой 1904 г., после Международной социалистической конференции в Брюсселе Г.В.Плеханов прочел две лекции об искусстве в Брюсселе, Льеже и Париже (Литературное наследие Г.В.Плеханова. Сб. 3. Искусство. М., 1936. С. 116–152). Зимой 1905–1906 г. состоялось его выступление в Русской высшей школе общественных наук с лекцией «Философская эволюция Маркса» (Группа «Освобождение труда» Сб. 2. М., 1924. С. 5–21).

³⁶ *Герцен Александр Иванович* (1812–1870) – революционер, писатель, философ и революционер.

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества.

Трудно сказать, о каком издании переписки Герцена и Бакунина в переводе на французский язык упоминает Е.С. Коц. Возможно, это четыре письма к М.А. Бакунину, написанные А.И.Герценом в 1869 г. Впервые они были опубликованы на русском языке в «Сборнике посмертных статей» А.И.Герцена в Женеве в 1870 г., затем на итальянском в переводе А.А.Герцена в журнале «Rivista Europea». Эти «Письма» публиковались под на-

званиями: «Письма к старому товарищу», «К старому товарищу», «Письма в будущее к старому товарищу». Известно также русское издание «Писем М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву» (Женева, 1896). Издание, подготовленное М.П.Драгомановым, включало не только письма, но и другие произведения М.А.Бакунина. Все упомянутые произведения переводились на французский язык.

³⁷ «Вперед!» – журнал и газета, ставшие органами не только русского революционного народничества, но и трибуной международного рабочего и социалистического движения, основаны П.Л.Лавровым (1823–1900). Журнал выходил с 1873 г. в Цюрихе, а с 1874 по 1877 гг. – в Лондоне. Вышло 5 номеров. Газета (двухнедельник) выпускалась в Лондоне в 1875–1876 гг. Вышло 48 номеров.

«Набат» – газета, основанная видным представителем революционного народничества П.Н.Ткачевым (1844–1886), издавалась с 1875 по 1881 гг., вначале в Женеве, а затем в Лондоне, вышло всего 18 номеров. В России газета имела незначительное распространение.

«Земля и воля» («Социально-революционное обозрение») – газета, нелегально издававшаяся в Петербурге с октября 1878 г. по апрель 1879 г., орган тайного революционно-народнического общества «Земля и воля». В издании газеты принимал участие Г.В.Плеханов.

³⁸ Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (в настоящее время Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге) – основана в 1795 г., открыта как Публичная библиотека 2 (14) января 1814 г.

Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина (в настоящее время Российская государственная библиотека) – основана 19 июня (1 июля) 1862 г. в составе московского публичного Румянцевского музея. 24 января 1924 г. Румянцевская библиотека была переименована во Всероссийскую публичную библиотеку им. В.И.Ленина, а в 1925 г. преобразована в Государственную библиотеку СССР им. В.И.Ленина.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ведет свое начало с 1918 г., когда по решению ЦК РКП(б) была организована комиссия по подготовке переводов произведений К.Маркса и Ф.Энгельса, преобразованная затем Институт Маркса и Энгельса. В 1931 г. он был объединен с Институтом В.И.Ленина, основанным в 1923 г. Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) с 1956 г. стал называться Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Библиотека ИМЛ вобрала в себя фонды библиотек объединенных институтов. После закрытия ИМЛ в 1991 г. – на базе Центрального партийного архива ИМЛ был образован Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, с 1999 г. – Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ), а библиотеке ИМЛ с 1992 г. присвоено название – Государственная общественно-политическая библиотека (ГОПБ).

³⁹ Буржуйка – металлическая печка-временка. Е.С.Коц не случайно вспоминает об этих печках. Всю блокаду Ленинграда (8 сентября 1941 – 27 января 1944) она жила в осажденном городе и работала в Публичной библиотеке. Производство буржоек было налажено в городе в первые месяцы блокады, маленькие печки-бочечки с трубой дымохода, выходящей через всю комнату прямо в форточку, топились всем, что могло гореть – мебель, книги, доски и щепки, добываемые из развалин зданий после артобстрелов и бомбежек. На них кипятилась вода, подсушивались сухарики из вязкого, сыроватого блокадного хлеба, и, главное, они были основным источником тепла в жилищах в блокадные годы.

⁴⁰ В какой аудитории и когда был сделан этот реферат, установить не удалось, но сведения, добытые Е.С.Коц во время пребывания в Париже, были, вероятно, использованы ею в работах: Коц Е.С. Крестьянские движения в России (От Пугачевщины до революции 1905 г.). Пг., 1924; Ее же. Чернышевский в Вилуйске // В якутской неволе: Из истории политической ссылки в Якутской области. М., 1927.

⁴¹ В сборник статей «Проблемы идеализма» (М., 1902) вошли, в том числе, статьи С.Н.Булгакова, Е.Н.Трубецкого, П.Г.Струве, Н.А.Бердяева. В 2002 г. сборник был переиздан: Проблемы идеализма. Сб. ст. (1902). М., 2002 (Исследования по истории русской мысли. Т. 8).

⁴² Под этажом, «куда ссылаются книги инакомыслящих», Е.С.Коц подразумевает спецхран ГПБ. Отдел специального хранения ГПБ формировался постепенно, начиная с 1930-х гг., и прекратил свое существование в конце 1980-х.

⁴³ «Интернационал» (фр. L'Internationale, от лат. inter – между и natio – народ) – международный пролетарский гимн, с 1946 г. партийный гимн русской революционной социал-демократии, с 1918 по 1943 г. неофициальный гимн Советского государства. Текст написан французским поэтом Э.Потье (1816–1887), музыка – композитором-любителем П.Дегейтером (1848–1932). Впервые исполнен 23 июня 1888 г. в Лилле хором рабочих, участников певческого общества «Рабочая лира». Общепринятый текст русского перевода выполнен А.Я.Коцем в 1902 г.

Коц Аркадий Яковлевич (1872–1943) – горный инженер, поэт, переводчик. А.Я.Коц, двоюродный брат Е.С.Коц, учился в 1897–1902 гг. в Горном институте в Париже. Он знакомил Е.С.Коц с Парижем, его историей и достопримечательностями, бывал с ней на студенческих диспутах.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (А.А.Чернобаев)	3

К БИОГРАФИИ Г.В.ПЛЕХАНОВА

«Господин Плеханов – философ, человек науки... Более того, он – человек мира». Документы из швейцарских архивов. 1889–1894 гг. (Ш.Риндлисбахер)	5

РОССИЯ В КОСМОСЕ

«Объединим мировые усилия, чтобы космический рассвет был безоблачным». Выступление академика Н.Н.Шереметьевского на Международной конференции по истории авиации и космонавтики. 1987 г. (Т.П.Демина, В.М.Смирнов)	26

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Мастера российской историографии: Валентин Валентинович Шелохаев (Н.И.Канищева, К.А.Соловьев)	42

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

«Я не заметил никаких противоречий или неверностей в анализе событий или характеров». Из переписки Б.И.Николаевского и И.Г.Церетели. 1931 г. (А.П.Ненароков, П.Ю.Савельев)	58

НАРОДЫ И СУДЬБЫ

«Почему наши дети нам не друзья, почему мы – не мы?». Письма Д.И.Шаховского к дочери Н.Д.Шаховской-Шик. 1928–1930 гг. (А.В.Лубков)	83

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

«То, что казалось полгода тому назад недостижимой мечтой, сегодня является уже недостаточно смелым». Доклад ташкентского головы Н.Г.Маллицкого о реформе городского самоуправления в Туркестане. Апрель 1917 г. (Т.В.Котюкова)	99
«Скоропадского я знал с малых лет». Воспоминания графа Д.Ф.Гейдена. 1920-е гг. (А.С.Пученков)	115

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Мастера российской историографии: Александр Сергеевич Лапто-Данилевский (1863–1919) (Е.Ю.Басаргина, И.Л.Тихонов)	130

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

«Мы были далеки от мысли о разыгравшейся в ближайшую ночь трагедии». Воспоминания Р.М.Плехановой о С.И.Бардиной (З.Г.Крейцер)	146
«Я усердно посещала лекции в Русской школе...». Воспоминания Е.С.Коц об учебе в Париже. 1901–1903 гг. (И.В.Смирнова)	154

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

- «...Чтобы между церквами Русскою и Восточною существовало постоянное, искреннее единение». Отчет о командировке по православному Востоку управляющего канцелярией Св. Синода П.И.Саломона обер-прокурору Св. Синода графу А.П.Толстому. 1860 г. (Л.А.Герд) 172
- «Христианская любовь не даст семенам раздора возрасти». Письмо А.С.Норова к патриарху Иерусалимскому Кириллу II. Середина 1860-х гг. (А.А.Буров) 181

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

- «Служу я, иноземец, тебе, великому государю, ремеслом своим». К биографии пушечного и колокольного мастера московского Пушечного двора Ивана Фалька. 1641–1651 гг. (А.Ф.Бондаренко) 185

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- «Ценный источник... реальных исторических событий». Сборник архивных документов о российско-монгольском сотрудничестве. Т. II. 1936–1946 гг. (Е.Р.Курапова) 196

CONTENTS

- To readers (A.A.Chernobayev) 3

TO BIOGRAPHY OF G.V.PLEKHANOV

- «Mister Plekhanov is a philosopher, a man of science... Moreover, he is a man of the world». Documents from Swiss archives. 1889–1894 (Ch.Rindlisbacher) 5

RUSSIA IN THE SPACE

- «Let join world efforts that a space dawn may be unclouded». The speech of Academician N.N.Sheremetiyevsky at the International Conference for History of Aviation and Cosmonautics. 1987 (T.P.Dyomina, V.M.Smirnov) 26

PICTORIAL REVIEW

- Pillars of Russian historiography: Valentin Valentinovich Shelokhayev (N.I.Kanishcheva, K.A.Solovyov) 42

RUSSIA ABROAD

- «I didn't notice any contradictions or incorrectnesses in the analysis of developments or characters». From the correspondence between B.I.Nikolayevsky and I.G.Tsereteli. 1931 (A.P.Nenarokov, P.Yu.Savelyev) 58

PEOPLES AND FATES

- «Why are our children not our friends, why are we not us?». Letters from D.I.Shakhovskoy to his daughter N.D.Shakhovskaya-Shik. 1928–1930 (A.V.Lubkov) 83